

Эволюция понятия «личность» в российской психиатрии и политика психического здоровья

Ю.С.Савенко

президент Независимой психиатрической
ассоциации России

Если мы спросим, что понимают под «личностью» наши студенты-медики, даже коллеги врачи-психиатры, более того, даже авторы соответствующих разделов учебников и руководств по психиатрии, то содержание ответов и их разнობой обескуражат любого контрастом между существующим многообразием и тонкой разработкой этой проблемы в философской антропологии, психологии и социальной психологии личности и фактически отсутствием интеграции всего этого богатства в наши руководства, даже в постсоветский период, когда основной массив работ на эту тему стал доступным.

А между тем, это богатство выросло в значительной мере из психиатрии. Творцы большинства наиболее известных теорий личности – психиатры и психотерапевты.

Для этого были исторические причины. В 1923 году было разгромлено выдающее психологическое направление в отечественной психиатрии, представленное основателями Московского института психиатрии – Ф.Е.Рыбаковым, А.Н.Бернштейном и А.П.Нечаевым, за критику последним призыва создавать особую «советскую психологию». В 1935 году последовал разгром педологии и психотехники, представленный такими выдающимися учеными как М.Я.Басов, П.П.Блонский, Л.С.Выготский, а также разгром психоанализа. В 1951 году Павловская сессия подменила психологию физиологией высшей нервной деятельности, а «холодная война» превратила понятие «личность» в наиболее популярное политическое антисоветское оружие, пока в 1967 году Всесоюзная конференция по этой проблеме (среди организаторов которой был проф. Л.Л.Рохлин) не интегрировала понятие «личность» в официальную советскую доктрину. Только с 1989 года началась открытая публикация работ классиков персонологии.

Но отечественные учебники психиатрии не продвинулись со времени «Терминологического словаря психиатра» В.С.Гуськова 1985 года, содержавшего понятие «личности» и определявшего ее как «широкое синтетическое понятие, включающее все многообразие индивидуальных особенностей данного человека, зависящее от сочетания психических и соматических качеств. Личность формируется под влиянием социальной среды и является ее продуктом». До сих пор ни в одном из основных отечественных руководств по

психиатрии невозможно найти четкого и полного дифференцированного определения личности и ее структуры как объекта психиатрии.

В наиболее авторитетном двухтомном «Руководстве по психиатрии» 1999 года под редакцией А.С.Тиганова две страницы, посвященные личности и написанные А.В.Снежневским, представляют перепечатку главы из «Руководства по психиатрии» 1983 года и несут печать советской эпохи, от которой, как мы видим, еще не удалось освободиться. Личность сведена здесь к индивидуальному фактору, а ее типология к четырем темпераментам. Утверждается, что их обоснование дал акад. И.П.Павлов, тогда как это сделали И.Кант в своей «Антропологии» и В.Вундт, и что наиболее удобным является выделение Э.Кречмером четырех типов «склада личности»: шизоидный, циклоидный, эпилептоидный и истерический. Но И.П.Павлов внес совершенно другой, чисто физиологический смысл в термины Гиппократов, зависящий, как оказалось, от используемой методики (слюновыделительной – один результат, речедвигательной – другой и т.д.), а Кречмер писал не о «складах личности», а о типах характера. Более того, в своей книге «Gestalten und Gedanken», 1965 г., он признался, что имел в виду темпераменты, а понятие «характер» в названии монографии «Строение тела и характер» предпочел в силу тогдашнего бума этой темы. Так типы темперамента превратились в типы личности. Но мало того, Кречмеру принадлежит дихотомия (циклоид – шизоид) в отношении так называемой «пропорции колебаний аффективности». Тетратомию обосновал Михаил Осипович Гуревич, - ставший одной из основных жертв Павловской сессии в психиатрии и неврологии в результате доклада А.В.Снежневского с соавторами. Таких узлов в нашей истории – не счесть.

В других руководствах понятие «личности» отождествляется с понятием «характер». Это характерно и для многих американских авторов.

Наконец, оказалось, что проблема личности у ранних авторов разработана значительно подробнее и более внятно. Из советских авторов – лучше чем во всех современных руководствах – в «Учебнике психиатрии» М.О.Гуревича и М.Я.Серейского. Вышедший первым изданием в 1928 году с предисловием П.Б.Ганнушкина и значительно переработанный в 1937 (3-е изд.) и 1946 (5-е изд.) году, он определяет «личность» как «синтетическое понятие, охватывающее все свойства организма с его соматикой, психикой, общественно-социальными и историческими связями; под этим понятием подразумевают не схему, а конкретного активно-творческого человека. Основой личности являются конституциональные особенности и предрасположенность к определенным реакциям, ее формирование зависит от многообразных соотношений с

социальной средой, ее деятельность связана с совокупностью свойственных ей стремлений и установок...».

Очень подробно, опять-таки подробнее чем в современных руководствах, понятие «личность» обсуждается у авторов, впервые введших его в наш предмет. Из европейских авторов – если не говорить о предтечах – это Крафт-Эббинг («Судебная психопатология», 1875) и Э.Крепелин (1896, 1904). Из отечественных авторов это В.Х.Кандинский (1883), В.М.Бехтерев (1885, 1886), С.С.Корсаков (1893).

Для Корсакова «личность» это динамичная, изменяющаяся, определенным образом организованная совокупность психических особенностей человека, взятая с внешней стороны. С внутренней стороны – это сознание своего «Я», которое включает в себя и любимых лиц и общечеловеческие принципы с такой нераздельностью, что попытка разъединения «воспринимается с болью, как изувечение собственного тела, и защищается против этого... даже с большей силой, чем целость собственного тела...».

Бехтерев считал даже, что «термин «психиатрия» для построения на его месте объективного знания должен быть заменен понятием «болезни личности», а «психопатология» – «патологией личности», термин же «душевнобольной» свободно может быть заменен термином «лично-больной»... Все то, что относится к понятию «души» обнимается понятием «личности», которое лишено субъективного характера» (1918). Правда, при этом он полностью отвлекается от самоотчета больного, уступая весь его внутренний мир писателям и оставляя психиатру роль натуралиста.

Таким образом, мы находим у Бехтерева наиболее энергично и ясно высказанное еще столетие назад положение, что объектом психиатрии является личность психически больного человека, тогда как в наиболее распространенном сейчас чисто эклектичном учебнике «Психиатрия» Н.М.Жарикова и Ю.Г.Тюльпина (2000) это понятие рассматривается как психологическое и определяется как «социальное качество индивида, характеризующее неповторимый склад его индивидуальных свойств, представленных в предметной деятельности и общественных отношениях. Индивидуальные особенности человека становятся личностной чертой тогда, когда они реализуются в его отношениях с другими людьми... как отпечаток, который остается в душах окружающих при общении и совместной деятельности с данным индивидом.» Это определение диаметрально противоположно самому духу бехтеревского стремления к объективности.

В другом распространенном современном учебнике «Психиатрия» М.В.Коркиной, Н.Д.Лакошиной, А.Е.Личко и И.И.Сергеева (2002) личность определ-

яется как «система, совокупность, «ансамбль» отношений к окружающему миру, прежде всего социальному, и к самому себе. Каждое отношение вырабатывается в онтогенезе, значительную роль в этом процессе играют условно-рефлекторные механизмы» (А.Е.Личко). Здесь и в значительном числе других примеров хорошо видно, что отчетливое снижение концептуального уровня осмысления своего предмета после павловской сессии все еще не преодолено.

Конечно, особняком стоят оригинальные психологические разработки А.Н.Леонтьева и С.Л.Рубинштейна, Д.Н.Узнадзе, Б.Г.Ананьева и В.Н.Мясищева. Но описанная выше ситуация привела к изданию большого числа руководств в регионах, многие из которых освещают проблему личности подчас выигрышнее чем в центральных.

Но то, чего нет в сформулированном и концептуализированном виде в руководствах по психиатрии, имплицитно присутствует в каждой психиатрической истории болезни. Врач-психиатр традиционной отечественной выучки – все еще наследник и восприемник дескриптивной традиции классической психиатрии, и, осуществляя свою повседневную врачебную деятельность, он автоматически действует как феноменолог и персонолог. *Status praesens* в контексте *anamnesis vitae et morbi* охватывает собой широкий и разнообразный круг сведений, выходящий далеко за пределы непосредственно релевантного для диагностики и лечения. Эта некоторая избыточность позволяет находить новые связи при постановке новых задач. Нынешняя тенденция к экспресс-технологиям и редукции всего, кажущегося избыточным, подчинена сиюминутному вульгарно-потребительскому подходу с его узким горизонтом и короткой перспективой.

И все же до сих пор даже в цейтноте врач-психиатр в силу своих профессиональных навыков автоматически выстраивает в отношении каждого конкретного больного серию характеристик, составляющих общий план строения личности, начиная с *habitus*'а: сразу очевидны возраст, пол, конституция, физические недостатки, национальность, культурный уровень, социальный слой и многое другое. Короткого временного среза взаимодействия с пациентом бывает достаточно для ориентировки в его личности, а это целостно интегрально взятый конкретный человек. Оцениваются:

- телосложение или физическая конституция (а-, гипер-, нормо-стеническая, атлетическая, инфантильная и др);
- темперамент или психофизиологическая конституция как наследственная характеристика (четыре типа по В.Вундту и Э.Кречмеру – М.О. Гуревичу);

- характер как «совокупность волевых диспозиций, определяющая типовые модели поведения, формирующаяся в подростковом возрасте (ауто- и гетеротелия В.Штерна, акцентуации и психопатии);
- иерархия ценностей (6 типов по Э.Шпрангеру) и
- тип мировоззрения (по В.Дильтею и К.Ясперсу в «Психологии мировоззрения»);
- интеллектуальный уровень (рутинный, творческий, специальные способности);
- уровень личности (клинически важная характеристика, более устойчивая чем интеллектуальный уровень, за исключением алкогольной и наркоманической деградации);
- дискордантность (в отдельных уровнях и слоях и между ними).

К личности относятся семейное, имущественное, служебное и общественное положение; ближайшее личное и социальное окружение. И наконец, динамика и жизненная траектория по всем этим векторам, т.е. биография.

О личности можно говорить только при появлении духовности. Между тем, фундаментальные в этом отношении характеристики иерархии ценностей и типа мировоззрения обычно игнорируются.

Разумеется, психиатр фиксирует из них лишь то, что релевантно задачам клинической диагностики и терапии, в частности, психотерапии.

Без конкретизации общего плана строения личности невозможно полноценно

- провести клинко-психопатологический и клинко-психологический анализ;
- оценить гомо- или гетерономность психопатологического синдрома, его выводимость из личности больного;
- интерпретировать тестовые результаты;
- индивидуализировать терапию и жизненные советы.

Личность – объект психологии, социологии, психопатологии и философской антропологии. Существенную ясность в проблему личности вносит критическая онтология Николая Гартмана, служившая основой для Курта Шнайдера (1935), Г.Й.Вайтбрехта (1963, 1968), Э.Грюнталя (1956), Рихарда Юнга (1967), а также для нас (1974), в ней представление об онтологических слоях, 16 законах их взаимодействия и т.д. достигли наиболее тонкой разработки.

Десятилетняя работа на рубеже 1960-1970 гг. в лаборатории экспериментальной патопсихологии Блюмы Вольфовны Зейгарник, сохранявшей тогда дух своего учителя Курта Левина, позволила мне непосредственно почувствовать принципиальную разницу экспериментальных методов в руках

психолога и психиатра. Квалификация тестовых результатов на примере личностного теста Роршаха, которым я с тех пор регулярно пользуюсь до настоящего времени, показала, что в руках психиатра это не экспериментально-психологический, а экспериментально-психопатологический метод. Разница состоит в том, что весь используемый при этом категориальный аппарат – лексически совпадающий – понимается не аналитично, чисто психологически, в рамках одного онтологического слоя «психического», а целостно, антропологически, интегрально ко всем онтологическим слоям. Собственно именно тогда тест и делается личностным в подлинном смысле слова. Таким образом, очень важно учитывать омонимичность понятий лексически идентичных, но разных по охвату.

Популярной ошибкой является игнорирование разного значения самого понятия «личности». В одних случаях это интеграл от всех онтологических слоев. В других – только психологический или только духовный слой, или система социальных ролей.

Использование в МКБ-10 понятия «расстройства личности» вместо традиционного «психопатии», предпринятое в реабилитационных целях, является неточным, адекватнее было бы говорить о характеропатиях. Для отечественных авторов характерно единство в понимании темперамента как наследуемой структуры, характера – как формирующегося в подростковом возрасте, а личности – в процессе юношеского кризиса.

Попытка рассматривать личность как предмет патопсихологии, оставив в качестве предмета психопатологии психические расстройства, наивным образом оставляет психиатрию на уровне факультетской терапии и хирургии, изучающих отдельные болезни, тогда как госпитальная терапия и хирургия изучает конкретных больных. Этот пример наглядно и неопровержимо показывает, что предмет психопатологии это личность с психическими расстройствами, а предмет патопсихологии это ее психологический аспект. Таким образом, психиатрия соотносится не с психологией, а с патологической антропологией.

Все это не какие-то лексические изыски, академические тонкости, а практически очень важные вещи, призывающие к терминологической взыскательности. Мы уже более 30 лет указываем на принципиальную разницу выражений «психологические защитные механизмы» и «личностные компенсаторные механизмы». «Психологические» в отличие от «личностных» относятся только к одному онтологическому слою психического. «Защитные» связаны с архаическим представлением о болезни как чуждом вредоносном агенте, тогда как значительно чаще речь идет о дезорганизации различных систем организма. Хотя это различие ведет к разным направлениям практических усилий, и хотя

эта наша работа вошла с переиздаваемую антологию, смешение этих понятий сохраняется.

Впрочем, сохраняется аналогичное смешение по меньшей мере пяти разных пониманий популярной дихотомии экстра- и интроверсии, которое обозначает у одних авторов приоритет духовных ценностей над мирскими (К.Г.Юнг), у других авторов – ориентированность и, таким образом, доминирование внутреннего мира личности над внешним миром, у третьих - опосредование всего через представления вместо непосредственного чувствования, у четвертых – чисто поведенческий эквивалент этой ориентированности, вплоть до простой общительности, у пятых – экспансивность натуры в отличие от тормозимости, сжатия, ухода в себя, избегающего поведения. Мы видим, что представление об уровнях личности снимает кажущийся разницей и позволяет более дифференцированно говорить либо об определенном уровне личности, либо подчеркивает меру выраженности этой характеристики, в зависимости от того, до какого уровня – психофизиологического, психологического или духовного она распространяется.

Личность – не просто объект разных наук. Это фактор, объединяющий эти науки. Наиболее ярко это выступает в социологии, где многие авторы были убеждены, что их наука только о массовых явлениях. Но Макс Вебер сумел доказать обратное. А современное развитие социологии характеризуется значительным сдвигом к еще большей акцентуации роли личности, как это показал Аллен Турен в своей монографии «Человек действующий».

Укорененное у нас представление о примате общества и государства над личностью противостоит магистральному развитию мировой науки. Более того, оно освящает авторитетом науки и закрепляет пассивную позицию личности.

Большинство простых людей хорошо видят, во что превратилась у нас реформа здравоохранения и как осуществляется политика психического здоровья. Проблема личности, так же как проблема прав человека – остаются у нас декоративными украшениями. Но это и неуничтожаемое зерно, которое неизбежно прорастет даже сквозь асфальт. А когда? – Это зависит от активной позиции личности каждого из нас.